

МАЭСТРО СВЕТА В ОТСУТСТВИИ НАДЕЖДЫ

Кн. обозрение. — 1994. — 29 нояб. — с. 15

В ПОДЗЕМНОМ переходе, в пятнадцати минутах ходьбы от Центра культуры «На Остожье», где проходила пятидесятилетняя персональная выставка художника-графика, поэта, историка, переводчика Павла Львовича Бунина, я напрасно пыталась побеседовать с молодыми ремесленниками, выстроившимися в ряд со своими «шедеврами мировой портретной живописи», о творчестве художника, чьи произведения на протяжении многих лет волнуют особым неповторимым видением мира и неразгаданной тайной, именуемой талантом.

Лучше ходить на выставки хороших картин, чем писать плохие. В маленьком уютном особняке, оазисе художественной духовности, звучала музыка. Под бессмертными, в душу проникающими взглядами Моцарта и Шуберта, Баха, Гете и Бетховена, портретами которых были празднично украшены стены музыкального зала, пианист-виртуоз Юрий Алексеевич Муравлев фантазией ре-минор Моцарта открыл программу вернисажа, и перед нами предстали «недостижимые и вечно сияющие горизонты», и донесся «трепет всемирных веяний». «Гений света и любви в музыке» взирал

с портрета Бунина гордо, весело и страстно.

После музыкальной прелюдии, оставившей неизгладимые воспоминания, нам как визитную карточку показали, «что может Павел Львович, что у него есть». (Очаг культуры «На Остожье» слишком мал, чтобы дать полное представление о работах Бунина — они исчисляются тысячами.)

Выставка открылась накануне 180-летия со дня рождения Михаила Юрьевича Лермонтова, и поэтому большая часть экспозиции посвящена творчеству Поэта, с фантастическими, таинственными образами героев которого, равно как и самим мятежным гением, Павел Бунин давно сроднился: «Есть гордость беспредельная по-лермонтовски странно все любить».

Тема восставшей человеческой души, заявляющей о своем достоинстве, о своем праве мыслить и жить так, как она мыслит и желает жить, так или иначе проходит через многие формы, жанры и темы работ Павла Бунина, будь то Бородинское сражение или борьба маленького нидерландского народа против испанских захватчиков.

Собравшиеся сожалели, что нет на выставке работ «античного» цикла, и, восторгаясь героями двенадцатого года, портретами Пушкина, Шуберта, иллюстрациями к «Тильо Уленшпигелю», отмечали высочайший оптимизм художника, любой материал которого приобретает характер божественного творения. Небольшой линией, едва заметным росчерком он умеет передать настроение: мрачную тоску лирического героя «Еврейской мелодии», действенное начало и рефлексию Печорина, измучен-

ность души и тела в нескольких штрихах запекшихся, потрепавшихся губ Мцыри.

Сам Павел Бунин недолго нежил в лучах славы. Оставив гостей допивать вино, он отправился в неприметную гостиную на первом этаже, где для него приготовили чай, и остро, пронзительно ощутил одиночество художника: при всех прекрасных словах, сказанных в его адрес, искреннем восхищении его личностью и преклонении перед его творчеством. Ирония и самоирония давно стали способом восприятия мира жизнелюбивого художника и формой борьбы с пошлостью жизни. Назвав все происходящее наверху, в зале, «колебанием воздуха», он признался, что давно живет без надежды и все-таки радуется жизни как таковой.

Но надежда живет в его творчестве, она стала частью его мировоззрения, его таланта и художественной техники. Меланхоличный художник каким-то особым проникновением, возникающим в самой глубине его богатой природы, постигает ту ясность и прозрачность духа, которые потом освещают все его творения, и поэтому даже черные тона его произведений излучают свет: «Есть чекий свет, что тьма не победит». Это видно и на портретах Шуберта, и на замечательных зимних голландских пейзажах.

Истинный художник, считает Бунин, работает не рукой, не в первую очередь рукой: «Дайте художнику лучок щетины и немного сажу. Если он с этой помощью не сделает шедевр, он не художник». У Павла Бунина мало тонированных графических листов, но многоцветье мира передано им во всей полноте.

В арсенале Бунина минимум средств и очень скромная техника. У него нет денег на краски и нет своей мастерской. Его рисунки, картины, его сокровища хранятся в комнате, коридоре и даже на балконе. Ему, члену Союза художников, негде работать, и он верит только в себя. Его мужеством, жизненной стойкостью, трудоспособностью можно восхищаться. Принципиальный и независимый, он никогда ни на кого не рассчитывал, не хныкал и ничего не просил. Им выпущена одна-единственная книга, хотя есть материал для энциклопедии.

Трижды Павел Бунин умирал. Первый раз, когда остался один без своих близких, второй — когда уехал за границу, и последний — когда вернулся в страну «победившей демокра-

тии», увидел на телевизионном экране прохвостов со свастикой и лишился иллюзий.

Его не страшит отсутствие куска хлеба, он уже умирал от голода в сороковых годах, когда прежде чем взять рисунки, ему предлагали заполнить анкету. Человек, несколько раз ощущавший себя мертвым, радуется каждой минуте, каждому мгновению своей жизни. По памяти цитирует он царя Соломона: «Если ты проживешь и тысячу лет и не будешь при этом радоваться каждый день, я скажу — выкидывай счастливее тебя».

Художник представил вдруг, что находится уже в иных сферах, и можно вернуться, но не будет надежды и колбасы: «Да ради Бога. Я вернулся бы хотя бы потому, что есть же люди, которых я любил».

Бунин живет на улице в десяти минутах от места, где родился.

Эта улица не чета улицам Лондона и Парижа, но что делать — это его улица.

Он говорит, что не собирается больше заниматься живописью: «Зачем, чтобы после моей смерти портретам пририсовывали усы?»

Пририсовать-то они пририсуют, да только кто же им даст?

Павел Львович, вернитесь к мольберту!

У очага культуры согревалась
Евгения УЛЬЧЕНКО.

